

Франсез Вулли

ФЕМИНИСТСКИЙ ВЫЗОВ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Frances R. Woolley. The Feminist Challenge to Neoclassical Economics // Cambridge Journal of Economics, 1993, v.17, no.4, p.485-500.

© Academic Press Ltd., 1993

Перевод С.А.Афонцева

1. ВВЕДЕНИЕ

Среди экономистов есть последователи феминизма, к которым принадлежу и я. Работая в сфере экономической теории, мы обращаемся к проблемам, волнующих феминисток, – таким, как неравенство полов и андроцентристские подходы к исследованиям. В этом очерке рассказывается о наших достижениях, излагаются направления нашей работы и описывается, какие из выдвигаемых нами приоритетов были учтены неоклассической экономической теорией, а какие подвергают сомнению саму неоклассическую парадигму.

Как заметила М.Пюжоль (Pujol, 1992, p.10), феминистская экономическая теория не является однородной. Различные позиции, имеющиеся внутри феминистского движения в целом, отражаются и на феминистской экономической теории. С либеральным ее видением можно познакомиться в работах Барбары Бергманн. Она пишет: “Главной отличительной чертой феминистской экономической теории является точка зрения, что существующее распределение экономических обязанностей между полами несправедливо и должно быть устранено” (Bergmann, 1983, p.25). Экономисты-феминистки признают, что женщины находятся в менее благоприятных условиях по сравнению с мужчинами, и по соображениям справедливости являются сторонниками улучшения благосостояния женщин. А.Браун, подобно Бергманн, подчеркивает факт неравноправного положения женщин: “Характерной особенностью феминизма служит представление, что на протяжении всей обозримой истории в большинстве обществ женщины как группа находились в худшем социальном, экономическом и политическом положении, чем мужчины” (Brown, 1989, p.4).

Экономисты-феминистки, вдохновленные феминистской критикой естественных наук (Harding, 1986), начали также ставить под вопрос объективность экономической теории. П.Ингэнд спрашивает: “Что может экономическая теория почерпнуть из феминизма?” – и дает ответ: “Необходимость обращать большее внимание на гендерные предубеждения в экономических исследованиях” (England, 1990, p.1). В более общем виде С.Хардинг (Harding, 1986) определила два направле-

ния, по которым феминизм может расширить горизонты научной мысли. С одной стороны, феминистский эмпиризм преодолевает сексизм и андроцентризм, так как инструменты научного исследования беспристрастно применяются к поведению как мужчин, так и женщин. С другой стороны, в рамках феминистского подхода утверждается, что жизненный опыт женщин, связанный, в частности, с их неравноправным положением и обязанностями по воспитанию детей, позволяет им (а значит, и феминисткам) иметь собственную, ценную в научном отношении перспективу исследований.

Эти взгляды лежат в основе главных направлений феминистской неоклассической экономической теории, к которым относятся:

- 1) документальное подтверждение различий в благосостоянии мужчин и женщин;
- 2) обоснование политики достижения равенства между полами;
- 3) проведение исследований, свободных от андроцентристского уклона.

Два первых пункта соответствуют активному, политически ориентированному феминизму, который отстаивает Бергманн. Третий относится к феминистскому эмпиризму и феминистскому подходу, о которых пишет Хардинг. В данном очерке рассказывается об успехах, достигнутых на этих направлениях исследований, о вопросах, которые феминизм ставит перед неоклассической экономической теорией, и обсуждается связь между этими вопросами и другими замечаниями, высказываемыми по поводу неоклассической доктрины. Центральное положение нашей статьи состоит в том, что пропаганда политики достижения равенства и попытки избавиться от андроцентристского уклона заставляют экономистов-феминисток, работающих в русле неоклассической экономической теории, бросать вызов своей дисциплине¹.

Прежде чем рассмотреть те вызовы, которые феминизм бросает неоклассической экономической теории, мы должны определить эту последнюю. Определение, предложенное Л.Роббинсом, – изучение распределения редких ресурсов между конкурирующими способами использования [см. Роббинс, 1993. – *Прим. ред.*] – является чересчур широким. Представители марксистского, австрийского и других течений “не-неоклассической” экономической теории также изучают распределение ресурсов. Иногда неоклассическую экономическую теорию характеризуют с помощью предпосылки методологического индивидуализма, согласно которой “предполагается, что индивиды преследуют свой личный интерес” и “анализ строится на поведении индивида” (Nicolaidis, 1988, p.315). Но хотя методологический инди-

¹ Другие течения в экономической науке, к примеру марксизм или неокейнсианство, также могут извлечь пользу из феминистского анализа. Я ограничу сферу своего внимания неоклассической теорией. Отчасти это обусловлено господством неоклассической парадигмы среди экономистов в англоязычных странах, отчасти – тем, что я сама принадлежу к этому направлению.

видуализм играет ведущую роль в большинстве экономических исследований, он не характеризует предмет науки, прежде всего потому, что значительные ее области лишены микроэкономических оснований. Это относится, например, к большей части макроэкономики, а также теориям, рассматривающим семьи или фирмы в качестве индивидов или предпринимателей. Вероятно, наиболее плодотворный подход заключается в том, чтобы определить здесь неоклассическую экономическую теорию просто как “господствующую, ортодоксальную экономическую теорию” (Blaug, 1980, p.160) или “говорить о традиционной или неоклассической экономической теории в том виде, в котором она изложена в учебниках” (Nicolaidis, 1988, p.313). В этом очерке мы попытаемся учесть как традиционные взгляды, свойственные неоклассической теории, так и новое течение в экономических исследованиях, уделяющее больше внимания институциональным факторам и постепенно завоевывающее место рядом с господствующей научной парадигмы.

2. ИССЛЕДОВАНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН

Первое направление феминистских экономических исследований ставит целью документальную фиксацию различий в благосостоянии мужчин и женщин. Уровень благосостояния отчасти обуславливается неденежными факторами, такими, как здоровье, семейные и дружеские связи, особенности характера. Вместе с тем, конечно, имеют значение и деньги. Две главные составляющие материального благосостояния женщины – это ее собственный доход и ее доля во всех доходах семьи. Третий фактор связан с количеством времени, которое она уделяет работе. Рассмотрим теперь положение женщин (как абсолютное, так и относительное по сравнению с мужчинами) в том, что касается заработков, доли в доходах и затрачиваемого на работу времени.

Большинство женщин в промышленно развитых странах работают. Однако женщины, работающие полный рабочий день, получают менее двух третей от заработков мужчин (Brown and Ferber, 1986, p.70, данные по США). Часть этой разницы объясняется причинами структурного характера. Многие женщины занимаются низкооплачиваемой, преимущественно “женской” работой; многие из них хуже образованы и обучены, чем мужчины. Наиболее важным является то обстоятельство, что женщины несут на себе основное бремя обязанностей по воспитанию детей. М.Гундерсон приходит к следующему заключению: “Факторы, экзогенные для рынка труда (т.е. различия обязанностей в домашнем хозяйстве...) являются важным источником общего разрыва в уровнях заработков...” В конечном итоге имеет место дискриминация женщин: “В большинстве исследований отмечается *некоторая* остаточная часть разницы в оплате труда, относимая на счет дискриминации” (Gunderson, 1989, p.51).

Собственные заработки женщин представляют собой важный фактор, определяющий уровень их благосостояния, в особенности

для незамужних, разведенных женщин, вдов, матерей-одиночек. Но заработки – это еще не все. Благополучие замужней женщины зависит также и от доходов ее супруга. Как изменится экономическое положение женщины, если мы примем во внимание распределение доходов внутри семьи? В работе А.Сена (Sen, 1984), например, содержится вывод о неравенстве в распределении пищи между членами семьи. Приводимые им данные по сельским районам Бангладеш и Западной Бенгалии свидетельствуют, что женщины, как правило, получают меньше калорий, чем мужчины, а в голодные годы сильнее страдают от недоедания. Последующие исследования подтверждают полученные Сеном результаты. К примеру, Хаддад и Канбур на основе данных по Филиппинам приходят к заключению, что “пренебрежение фактом неравенства членов домашнего хозяйства может привести к значительной недооценке уровней неравенства и бедности” (Haddad and Kanbur, 1990, p.866). Мы не должны механистически проецировать тенденции, наблюдаемые в развивающихся странах, на опыт развитых, но, видимо, у нас нет оснований предполагать, что неравенство в размере заработной платы преодолевается распределением доходов в семье.

Женщины зарабатывают меньше мужчин, и, вероятно, им достается меньшая доля доходов домашнего хозяйства. Однако, быть может, их относительно более низкий уровень дохода компенсируется большим количеством свободного времени? Но эта гипотеза не находит эмпирического подтверждения. Хотя в Соединенных Штатах мужчины расходуют больше времени на работу (учитывая суммарные затраты времени как в домашнем хозяйстве, так и на работу по найму), чем женщины (Juster and Stafford, 1991), но если сравнить мужчин и женщин, выполняющих одинаковую работу по найму, то окажется, что женщины посвящают ей больше времени, чем мужчины (Juster and Stafford, 1985, p.147–148). Женщины платят за большее равенство в заработках сокращением своего свободного времени².

Если феминистская экономическая теория не сможет завоевать признания, это не будет связано с неудачами на первом направлении ее исследований, задачей которого является документирование различий в уровнях благосостояния мужчин и женщин. Многочисленные данные свидетельствуют: в том, что касается размера доходов, их распределения внутри семьи и уделяемого работе времени, женщины, бесспорно, находятся в неравноправном положении. Эти данные публикуются в ведущих экономических журналах. Меньшую поддержку находит нормативная составляющая феминистской экономической теории, т.е. ориентация на достижение экономического равенства полов.

² В аграрных странах по сравнению с индустриально развитыми доступность досуга для женщин гораздо меньше. Проведенное в 1975 г. исследование сельских районов Ботсваны показало, что женщины там работают в среднем на 12 часов в неделю больше, чем мужчины; в непальских деревнях это превышение (по данным 1981 г.) составляет 23 часа (Juster and Stafford, 1991).

3. МЕРЫ ПО ДОСТИЖЕНИЮ РАВЕНСТВА

В разделе 2 мы определили три сферы неравенства: в заработках, в доле семейных доходов и в продолжительности свободного времени. В данном разделе я уделю основное внимание неравенству в заработках. Во-первых, для борьбы с этим видом неравенства был предпринят ряд мер государственного регулирования, такие, как утверждение законодательства о стимулировании приема женщин на работу и о равной оплате за равный труд. Во-вторых, большее равенство в этой сфере может смягчить остроту других видов неравенства (особенно в распределении доходов внутри семьи).

Выбор путей преодоления неравенства между мужчинами и женщинами зависит от наших представлений о его причинах. Я рассмотрю в общих чертах три гипотезы, объясняющие различия в уровнях оплаты труда мужчин и женщин, а именно гипотезы о дискриминации на уровне предпочтений, статистической дискриминации и дискриминации, связанной с неверными оценками. Каждому типу объяснений соответствуют определенные практические выводы и рекомендации для государственной политики, а также проблемы, которые они ставят перед неоклассической экономической теорией. Модели дискриминации не ограничиваются указанными здесь формами. Я останавливаюсь на них, поскольку, с одной стороны, они чаще других используются для объяснения дискриминирующего поведения, а с другой – потому, что они иллюстрируют основное положение данного раздела работы: *политически ориентированный феминизм сам по себе недостаточен*. Этот вывод делает необходимыми дальнейшие исследования и ставит новые проблемы перед неоклассической экономической теорией.

Дискриминация на уровне предпочтений

Смысл этого вида дискриминации заключается в том, что предприниматели, коллеги по работе или потребители имеют “вкус” к дискриминации, т.е. предпочитают иметь деловые отношения, скажем, с мужчинами. Результатом этого являются низкий уровень заработной платы и меньшие возможности получить рабочее место для женщин. К примеру, если работодатели предпочитают нанимать мужчин, они с большей вероятностью примут их на работу и предложат им большее жалование, чем женщинам. Хотя эта гипотеза была впервые применена для объяснения дискриминации по национальному признаку (Becker, 1971), феминистская экономическая теория ныне использует ее для объяснения дискриминации женщин при приеме на работу (Bergmann, 1986; 1989).

В соответствии с предложенной Беккером моделью дискриминации, меры государственной политики могут содействовать достижению большего равенства, но за счет снижения эффективности. Законодательство о приеме женщин на работу или о равной оплате за равный труд может способствовать достижению большей справедливо-

сти, увеличивая заработки женщин и их шансы получить работу. Однако существует два типа издержек такой политики, снижающих общезкономическую эффективность. Во-первых, эта политика ухудшает положение тех, кто прибегает к дискриминации, – сам факт наличия такого образа поведения свидетельствует о том, что при его запрете благосостояние работодателей снизится. Во-вторых, если работодатели имеют устойчивое предубеждение против приема на работу женщин, они вместо найма смешанного персонала могут замещать труд капиталом, что будет означать отклонение от положения конкурентного равновесия, обеспечивающего максимальную эффективность.

Однако эти рассуждения о снижении эффективности неудовлетворительны, ибо из них следует, что в мире, характеризующемся дискриминацией на уровне предпочтений, недискриминирующий работодатель был бы в состоянии получать значительную прибыль. Нанимая женщин вместо мужчин при ставке заработной платы немного меньшей, чем текущая ставка оплаты труда мужчин, он мог бы получать дополнительную прибыль, так как его издержки были бы ниже, чем у других фирм. Благодаря этим дополнительным прибылям он мог бы расширять свое дело, создавая все больше рабочих мест для женщин, и т.д. Даже несколько недискриминирующих предпринимателей на конкурентном рынке могут устранить дискриминацию на уровне предпочтений. Тот факт, что она сохраняется в течение длительного времени, трудно объяснить с помощью модели Беккера.

Бергман использует теорию эффективной заработной платы, чтобы раскрыть причины выживания дискриминирующих фирм в конкурентной среде. Эта теория предполагает, что повышение заработной платы стимулирует более интенсивную работу персонала и сокращение его текучести. Возникающий в результате этого выигрыш в эффективности перевешивает издержки выплаты повышенной заработной платы недискриминируемым сотрудникам. В соответствии с этим подходом дискриминирующие фирмы не обязательно должны находиться в неблагоприятном положении по сравнению с недискриминирующими.

Главный вопрос, связанный с моделями дискриминации на уровне предпочтений, относится к источникам этих предпочтений. Экономисты-феминистки (и не только они) пытаются найти ответ на этот вопрос. Так, П.Ингленд и А.Браун использовали феминистскую психоаналитическую теорию Н.Ходороу для объяснения сегрегации на рынке труда (согласно Ходороу, мужчины, воспитываясь в детстве матерями и не имея возможности постоянно общаться с взрослыми представителями своего пола, осознают свою мужскую идентичность через отрицание женской) (England and Brown, forthcoming, p.10). Мужская идентичность ставится под угрозу, если женщины на равных начинают осваивать традиционно “мужские” профессии. Н.Фольбр рассматривает вопрос о том, как процесс эволюции мог поставить в наилучшее положение общества, в которых и мужчины, и женщины предпо-

читали доминирование мужчин (Folbre, 1992). Г.Ходжсон подчеркивает роль институтов в формировании целей индивидов (Hodgson, 1986).

Такие факторы, как специализация на воспитании детей, культурная эволюция или особенности общественных институтов, резко отличаются от тех, с помощью которых предпочтения объясняются в строго неоклассических моделях³. К примеру, Дж.Стиглер и Г.Беккер объясняют сдвиги в предпочтениях изменениями цен и доходов (Стиглер и Беккер, 1994 [1977]). Работодатели могут иметь постоянные базовые предпочтения, в то же время развивая предпочтения, которым дешевле всего следовать, — скажем, предпочитать найм рабочих-иммигрантов. Феминизм не отрицает объяснения изменений в предпочтениях под влиянием таких переменных, как цены и доход; он добавляет к ним другие, менее традиционные факторы.

Изменение предпочтений имеет ключевое значение для феминистской экономической теории, так как задача достижения большего равенства полов (как в сфере занятости, так и в других областях) предполагает преодоление предпочтений, порождающих дискриминацию. Однако неоклассический подход к оценке мер государственной политики в рамках теории благосостояния почти неизменно исходит из предпосылки об устойчивости базовой системы предпочтений⁴. Отказ от этой посылки порождает сложные проблемы. К примеру, как мы должны оценивать политику, направленную на расширение доступа женщин к получению работы: с точки зрения существующих предпочтений, будущих предпочтений или предпочтений, которые имели бы место в мире, характеризующемся равенством мужчин и женщин? Возможно, само понятие политики повышения общественного благосостояния оказывается под сомнением, если предпочтения изменяются? Эти вопросы не имеют однозначного ответа⁵. Они составляют первую проблему, которую феминизм ставит перед экономической теорией.

Проблема №1. Необходимо разработать модели для объяснения и оценки эндогенных изменений в предпочтениях.

**Статистическая дискриминация:
подход с позиций теории человеческого капитала**

Альтернативным объяснением неравенства между мужчинами и женщинами служит гипотеза о статистической дискриминации. Многочисленные факты свидетельствуют, что при наличии двух равноценных кандидатов (отличающихся друг от друга только половой принадлежностью) способности женщины расцениваются ниже, чем способности мужчины. В различных исследованиях моделировались ситуации найма, когда работодателю предоставля-

³ Обзор соответствующей литературы можно найти в: Nicolaidis, 1988.

⁴ В качестве примечательных исключений можно упомянуть работы Gintis, 1974 и Hahnel and Albert, 1990.

⁵ Более подробно эти вопросы рассмотрены в: Woolley, 1992.

лось право выбора между кандидатом-мужчиной и кандидатом-женщиной; в результате оказывалось, что мужчины гораздо чаще принимаются на работу в университеты, назначаются на управленческие посты, получают должности, требующие научной или профессиональной подготовки, или им предлагают более высокий стартовый уровень заработной платы (см. обзор Nieva and Gutek, 1980). Другой пример: М.Фербер и М.Тейман в своей работе показали, что статьи, написанные женщинами, имеют наибольшие шансы быть опубликованными в журналах, если их редакторы не знают пола автора (Ferber and Teiman, 1981, p.126–127)⁶. Далее, можно упомянуть об эксперименте, в ходе которого группе экспертов, в которую входили представители обоих полов, предлагали оценить две картины, сообщив предварительно, что в одном случае художником являлся мужчина, а в другом – женщина. В среднем картины, авторство которых приписывалось мужчинам, получали более высокие оценки (Nieva and Gutek, 1980, p.268). Существует масса доказательств того, что работа, выполненная женщиной, оценивается ниже, чем та же самая работа, выполненная мужчиной. Возникает вопрос: почему так происходит?

Одно из объяснений, хорошо согласующееся с экономической теорией, заключается в наличии статистической дискриминации. Возможно, картины женщин-художников в среднем уступают картинам мужчин, а потому ценятся на рынке ниже. Если индивид предполагает, что из двух представленных картин та, автором которой является женщина, имеет более низкую рыночную цену, у него больше шансов оказаться правым. Назначение пониженных цен на выполненные женщинами художественные произведения может быть рациональным способом сокращения вероятности допустить ошибку в оценке, так как истинную ценность предмета искусства определить крайне трудно. Такие экономисты, как Эйгнер и Кэйн, утверждают, что статистическая дискриминация не обязательно влечет за собой экономическую. Хотя высокопрофессиональные художественные работы женщин могут быть недооценены, работы низкого качества могут получить завышенную оценку; в среднем же оценка будет верной (Aigner and Cain, 1977).

Существуют ли эмпирические доказательства гипотезы о статистической дискриминации? Как отмечалось выше, даже после учета таких факторов, как возраст, опыт работы, образование и т.д., в большинстве исследований обнаруживается остаточная разница в заработках, относимая на счет дискриминации. Если гипотеза о статистической дискриминации справедлива, то этот разрыв обусловлен разницей в уровнях производительности или накопленного человеческого капита-

⁶ Впрочем, Р.Бланк более осторожна в своих суждениях по поводу этих фактов: “Хотя данные подтверждают мнение, что женщины находятся в лучшем положении при системе редактирования, когда рецензент не знает имени автора и наоборот, влияние этого фактора незначительно и не является статистически значимым” (Blank, 1991).

ла, не учтенной показателями образования, и т.д. Что это за фактор, столь легко учитываемый работодателями и одновременно столь неуловимый для эконометрических исследований? Возможно, он заключается в повышенной текучести кадров среди женского персонала. Однако, как отмечается в работе Р.Гронау, проблема текучести кадров во многом сходна с проблемой курицы и яйца: потому ли женщины занимают низкооплачиваемые должности, требующие незначительной профессиональной подготовки, что среди них наблюдается повышенная текучесть кадров, или, наоборот, эта последняя является следствием их низкого профессионального статуса? Изучая эту взаимозависимость, Гронау приходит к выводу, что “если бы женщины реже увольнялись, их профессиональный опыт и стаж работы возросли, а структура их занятости изменилась, они смогли бы получить не намного лучшую работу, а разрыв в зарплатах сократился бы лишь незначительно” (Гронау, 1988). Его вывод: “Преодоление этого разрыва требует структурных изменений”. В качестве объяснения разницы между зарплатами мужчин и женщин предлагались и другие факторы, включая большее непостоянство в поведении женщин (Aigner and Cain, 1977) или те соображения, что женщины, расходуя много сил на выполнение домашних обязанностей, работают с меньшей отдачей, чем мужчины (Becker, 1985), однако все эти гипотезы слабо подкреплены эмпирическими данными. С учетом большого числа эконометрических исследований, в которых обнаружена не объяснимая различиями в уровнях производительности и накопленного человеческого капитала разница между заработной платой мужчин и женщин, кажется целесообразным перейти к другим моделям дискриминации для объяснения этого неравенства заработков.

Дискриминация, связанная с неверными оценками

Еще одно объяснение заниженной оплаты труда женщин предлагается в рамках гипотезы о дискриминации, связанной с неверными оценками (England, forthcoming). Люди могут ошибочно преувеличивать разницу между средними способностями мужчин и женщин и, таким образом, оценивать работу последних недостаточно высоко. Этот вид дискриминации часто консервируется институциональными структурами: так, законы Викторианской эпохи, запрещающие женщинам работать под землей (не допускающие их, к примеру, на должности машинистов метро), оставались в силе еще в середине 80-х годов нашего века. Более того, дискриминация, связанная с неверными оценками, имеет тенденцию к самоподдержанию: женщин принимают на низкооплачиваемые виды работ, поскольку предполагается, что они менее квалифицированы, и в то же время они не могут повысить свою квалификацию, так как занимаемые ими должности не дают возможности для продвижения по службе.

Дискриминация, связанная с неверными оценками, и статистическая дискриминация имеют диаметрально противоположные

следствия с точки зрения государственной политики. Если женщины получают низкую заработную плату из-за ошибок работодателей, такие меры, как стимулирование приема женщин на работу или законодательное закрепление равенства оплаты труда, просто исправляют эти ошибки и не влекут за собой снижения экономической эффективности. Если же имеет место статистическая дискриминация, то принуждение работодателей к изменению политики найма или оплаты труда приведет к снижению среднего уровня качества рабочей силы (ибо предполагается, что мужчины имеют преимущество при приеме на работу из-за их более высокой производительности), а это повлечет за собой падение экономической эффективности. В случае дискриминации, связанной с неверными оценками, эти меры государственной политики не связаны с какими-либо издержками; в случае статистической дискриминации эти издержки значительны.

Объяснение дискриминации систематическими ошибками в оценках не является широко принятым в феминистской экономической теории. Во-первых, ее представительницы принадлежат к числу экономистов, а потому не склонны отказываться от понятия рациональности. Поведение, приводящее к систематическим ошибкам, т.е. результатам, которые, как правило, являются неверными или представляют собой не лучший выбор из имеющихся альтернатив при данной доступной информации и издержках принятия решений, является признаком нерациональности. Во-вторых, наличие систематических ошибок предполагает, что вмешательство в рыночный механизм может способствовать одновременно достижению большего равенства и повышению эффективности. Феминистки могут рассматривать эту точку зрения на государственное вмешательство как чрезмерно оптимистичную. Наконец, наивно было бы думать, что те, кто поддерживает существующие институты, содействующие дискриминации, чистосердечно заблуждаются и не заинтересованы в тех выгодах, которые они получают в условиях нынешнего «статус-кво».

Однако, если мы обратимся к истории подчиненного положения женщин, можно сделать вывод, что экономисты придерживались ошибочного взгляда на их возможности (Pujol, 1992). Если гипотеза о дискриминации, связанной с неверными оценками, верна, то это ставит под сомнение основы неоклассической экономической теории, ибо оказывается, что люди могут действовать нерационально, а результат функционирования конкурентного рыночного механизма может быть неоптимальным. Отсюда вытекает следующая проблема.

Проблема №2. Необходимо допустить, что люди могут систематически делать ошибки.

Рассмотрение мер государственной политики, направленной на достижение равенства, позволило показать, что экономисты, их пропагандирующие, вынуждены отказываться от традиционных экономических моделей в пользу моделей, в которых предпочтения выступают в качестве эндогенного фактора, а ошибки в суждениях могут

носить постоянный характер. Обратимся теперь к третьему направлению феминистских исследований. Способно ли движение к освобождению науки от андроцентристского уклона поставить новые проблемы перед неоклассической экономической теорией?

4. К ИССЛЕДОВАНИЯМ, СВОБОДНЫМ ОТ АНДРОЦЕНТРИСТСКОГО УКЛОНА

Стремление экономистов-феминисток создать исследовательский подход, свободный от андроцентристского уклона, проявляется по целому ряду направлений. Во-первых, экономисты-феминистки стремятся к улучшению качества экономического анализа. Для обоснования своих моделей экономисты обращаются к “аналитическим упрощениям”; но гендерные предубеждения способны привести к ошибкам при их формулировке. Во-вторых, многие экономисты-феминистки обеспокоены тем, что экономические вопросы, касающиеся женской проблематики, совершенно игнорируются в теории или им уделяется недостаточное внимание. Экономисты часто не способны “видеть” вопросы, связанные с положением женщин или с существованием гендерных различий. В данном разделе мы обсудим оба направления критики.

Аналитические упрощения

Экономические модели, подобно географическим картам, представляют собой абстрактные образы, которые более просты и доступны для понимания, чем реальный мир, и в то же время не отражают всей его сложности. Чтобы убедить своих коллег в том, что они применяют неверные упрощения, феминисткам недостаточно продемонстрировать, что предпосылки, на которых строятся их модели, нереалистичны, — ибо ни одна модель не соответствует реальности в полной мере. Стилизованная простота карты лондонского метрополитена обуславливает легкость ее использования и запоминания. Необходимо также показать, что ослабление предпосылок модели позволяет получать на ее основе предсказания, более точно согласующиеся с действительностью, чем предсказания на основе альтернативных моделей.

Я обращусь здесь к достаточно простому, но, по моему мнению, важному случаю использования ложного упрощения. В экономической теории, как правило, предполагается, как писал Г.Беккер, господство “альтруизма в семье и эгоизма на рынке” (Becker, 1981a). Однако можно утверждать, что подобного рода дихотомии на самом деле не существует. Во-первых, альтруизм можно обнаружить и в рыночной сфере. П.Инглэнд утверждает, что молчаливое согласие мужчин не допускать женщин к “мужским” видам работ может рассматриваться как проявление избирательного альтруизма среди представителей мужского пола (England, 1990, p.12). Д.МакКлоски приводит войну в качестве примера ситуации, когда люди ведут себя исходя из общественных, а не личных интересов (McCloskey, 1989). Во-вторых, мало обсуждается вопрос

о том, на чем основано мнение об отсутствии конфликтов в семье. Одно из немногих строгих исследований, где делается вывод об альтруизме во внутрисемейных отношениях (Becker, 1974), опирается на предположение, что доход одного из членов семьи составляет достаточно большую долю совокупного дохода домашнего хозяйства, так что в материальном плане именно он “содержит” семью. Это допущение неверно по отношению к семейным парам, в которых жены работают полную (или неполную) рабочую неделю⁷. Даже в 1974 г.* многие женщины имели работу вне домашнего хозяйства; теперь это верно применительно к большинству женщин.

Господство эгоизма в семье и альтруизма на рынке имеет важное значение для экономической теории. К примеру, традиционная модель “альтруистической семьи” не в силах объяснить, почему пособия многодетным семьям могут приводить к разным последствиям в зависимости от того, выплачиваются ли они матерям или отцам. Дихотомия “альтруизм в семье – эгоизм на рынке” обладает двумя признаками неверного упрощения. Она не соответствует действительности, а также не позволяет объяснить многие реальные факты (например, касающиеся выплаты пособий многодетным семьям). Это ставит нас перед третьей проблемой.

Проблема №3. Необходимо исправить ошибочные упрощения.

В некотором смысле ложные упрощения являются формой гендерного уклона, которую легче всего преодолеть. Необходимо просто собрать все имеющиеся данные и привести доказательства, свидетельствующие, что определенные представления ложны. В данном случае ложными являются общепринятые представления.

В то же время избавление от ошибочных упрощений – дело не столь простое. Во-первых, женщины и мужчины по-разному воспринимают мир, и упрощения, совершенно разумные с точки зрения одних, могут показаться другим странными и возмутительными. Во-вторых, как указывал Д.МакКлоски, необходимо собрать огромное количество данных, прежде чем удастся убедить всех, что модель “опровергнута” (McCloskey, 1983). Возьмем, к примеру, модель статистической дискриминации, которая обсуждалась в предыдущем разделе. Ее сторонники всегда могут утверждать, что существует значительная разница в уровнях производительности труда мужчин и женщин, просто эконометрическими методами ее пока не удалось определить. Опровержение модели, таким образом, крайне проблематично.

“Исчезновение” женщины

Хотя избавиться от ошибочных упрощений очень сложно, здесь можно по меньшей мере спорить по поводу общепринятых предполо-

⁷ Выражаясь более строго, утверждение Беккера справедливо в том случае, если собственные заработки жен меньше сумм, получаемых ими от мужей.

* Год выхода в свет работы Беккера. – *Прим. пер.*

жений. Форма гендерного уклона, которой труднее всего противостоять, – это “исчезновение” женщин из экономических исследований. Подобное исчезновение происходит различными путями. Во-первых, результаты, полученные на основе изучения поведения мужчин, могут преподноситься как значимые для всего населения. Так, в недавней статье “Выбор профессии британскими детьми” (Robertson and Symons, 1990) рассматривается выбор профессии только британскими мальчиками. Во-вторых, не признается экономический характер производительной и репродуктивной деятельности женщин в семье. Как напоминает в этой связи М.Уоринг, стоимость продукции, произведенной в домашнем хозяйстве, не учитывается в системе национальных счетов (Waring, 1988). В-третьих, даже если мужчины и женщины включены в экономические модели в качестве равноправных субъектов, отношения между ними остаются за рамками этих моделей. Например, знаменитый анализ влияния государственного долга Р.Бэрроу (Barro, 1974) основывается на модели, в которой репродукция индивидов происходит “бесполом” путем. Как было показано впоследствии, эта модель, будучи расширена для учета брачных отношений, приводит к абсурдным результатам (Bernheim and Bagwell, 1988). Отсюда вытекает четвертая проблема.

Проблема №4. Необходимо инкорпорировать в экономический анализ как мужчин, так и женщин.

Что касается первых двух аспектов “невидимости” женщин, то здесь достигнут определенный прогресс. Женщина начинает “появляться” в экономических работах. Обзор вводных глав шести учебников по микроэкономике (Salvatore, 1991; Hirschleifer, 1988; Frank, 1991; Eaton and Eaton, 1991; Gould and Lazear, 1989; Human, 1989) показал, что лишь в одном из них (Gould and Lazear, 1989) фигурируют только мужские персонажи. Планируемый ООН пересмотр системы национальных счетов принимает во внимание многие феминистские критические замечания, выдвинутые М.Уоринг (Postner, 1992). В последнее время появляется растущее число публикаций, посвященных ценности производимой в домашних хозяйствах продукции; их обзор можно найти в работах Л.Голдшмидт-Клермон (Goldschmidt-Klermont, 1982; 1987).

Однако сделать предстоит еще много. Главная проблема состоит во включении в экономическую теорию женщины как таковой, со специфическими для нее ограничениями и семейными связями. Женщины тратят большую часть времени на то, что у феминисток называется “частной сферой” – работа по дому, забота о детях и т.д. Экономическая теория склонна рассматривать частную сферу как “черный ящик”. В результате такие причины ущемленного положения женщин, как длительная работа в домашнем хозяйстве, неравное распределение семейного дохода, невозможность повлиять на решения о расходах семьи, оказываются за пределами экономического анализа. Обратимся теперь к рассмотрению экономической теории частной сферы.

Частная сфера

Экономисты обычно обходят проблемы частной сферы, предполагая, что семьи максимизируют единую функцию полезности. Члены семьи действуют так, как будто все они имеют одинаковые предпочтения в том, что касается пищи, детской одежды или досуга каждого из них. Предположение о единой функции полезности семьи неудовлетворительно как с феминистской, так и с методологической точки зрения.

Следствием этого предположения является тот факт, что конфликты внутри семьи ускользают от внимания. Показательна в этом смысле позиция А.Маршалла: "...Семейные привязанности вообще представляют собой столь чистую форму альтруизма, что их действие вряд ли носило бы столь постоянный характер, если бы сами семейные отношения не отличались единообразием. На деле их воздействие весьма устойчиво, и экономисты всегда полностью принимали их в расчет, особенно когда речь шла о распределении дохода семьи между ее членами, об издержках на подготовку детей к их будущей карьере и об использовании накопленного богатства после смерти того, кто его нажил" (Маршалл, 1993, т.1,с.80). Так как в семьях господствует альтруизм, экономисты могут быть уверены, что доход семьи распределяется равномерно между ее членами и нет нужды исследовать проблему внутрисемейной справедливости. Конфликты исчезают. Таким образом, на основной вопрос феминистских исследований, касающийся положения женщин в частной сфере, ответ получен быть не может. Семья представляет собой "черный ящик".

Трактовка семьи как однородной единицы также является методологически неверной. Многие авторы отмечали противоречие между понятием единой семейной функции полезности и неоклассическим стандартом методологического индивидуализма. Неоклассическая микротеория базируется на изучении поведения рационально действующего индивида. Как пишет П.Чиаппори, "представление о *группе* (даже если она состоит всего из двух участников) как об отдельном индивиде... должно рассматриваться как... холистическое отклонение" (Chiappori, 1992). Чем оправдывается такое отклонение?

Экономисты прошлого, такие, как Джеймс Милль, объясняли возможность трактовки домашнего хозяйства как "индивида" тем, что интересы женщины и детей считались частью интересов главы семьи. В качестве иллюстрации этого подхода Фолбр и Хартманн цитируют статью Дж.Милля в Британской Энциклопедии, где он выступает против эмансипации женщин: "Совершенно ясно, что все индивиды, чьи интересы бесспорно являются частью интересов других индивидов, могут быть с полным основанием оставлены без внимания. Под этим углом зрения могут рассматриваться дети до достижения ими определенного возраста, чьи интересы охватываются интересами их родителей. Под этим же углом зрения могут рассматриваться женщины, ибо интересы подавляющего их числа являются частью интересов их отцов или мужей" (цит. по: Folbre and Hartmann, 1988, p.188). Домашнее

хозяйство трактуется как отдельная единица; таким образом, интересы женщин и детей становятся “невидимыми”.

Современная теория предлагает несколько доводов в пользу предположения о семейной функции полезности. П. Самуэльсон (Samuelson, 1956) выдвигает достаточно сомнительный аргумент, что в семье достигается “консенсус”, поскольку “кровь – не водица”. Недостаток этого аргумента в том, что, даже если мы согласимся считать отношения внутри семьи отношениями сотрудничества, все же нет причины полагать, что следствием такого сотрудничества будет выработка функции полезности, обладающей всеми свойствами функции полезности индивида, т.е. что гармоничная семья будет вести себя столь же последовательно и рационально, как и отдельный индивид. Дж. Беттс выводит семейную функцию полезности из предпосылки, что каждый человек выбирает себе такого партнера по браку, вкусы которого совпадают с его собственными (Betts, 1991). Даже если принять эту точку зрения супружеской гармонии, необходимо признать, что женщины при этом не воспринимаются как самостоятельные индивиды, что какой бы то ни было анализ частной сферы невозможен, а возражения, высказанные по поводу модели Самуэльсона, сохраняют силу. Теория социальных взаимодействий Г. Беккера представляет собой наиболее строгое обоснование предположения о семейной функции полезности. Беккер показал, что, при определенных условиях, домашнее хозяйство имеет единую функцию полезности, которая совпадает с функцией полезности главы семьи (Becker, 1974). Женщины и дети принимаются во внимание лишь постольку, поскольку являются объектами попечения со стороны своих мужей и отцов.

Альтернативные модели принятия решений в семье, из которых следует вывод о существовании единой семейной функции полезности, получили развитие в работах Leuthold, 1968; Manser and Brown, 1980; Apps, 1981; Apps and Savage, 1989; Ashworth and Ulph, 1981; McElroy and Horney, 1981; Sen, 1985b; Sen, 1987; Ulph, 1988; Lommerud, 1989; Chiappori, 1992; Bragstad, 1989; Woolley, 1990; Lundberg and Pollak, 1992⁸. Их критика с феминистских позиций изложена в: Seiz, 1991; Nelson, 1992; McCrate, 1987. Краткое описание новых моделей домашнего хозяйства дает представление об их общей направленности.

Все эти модели принятия решений в семье описывают взаимодействие двух индивидов. Каждый разработчик подобных моделей неизбежно сталкивается с фундаментальным вопросом: как учитываются в данной модели различия между мужчинами и женщинами? Чтобы остаться в пределах господствующего неоклассического течения, основными объясняющими переменными должны быть предпочтения, способности и дарования индивидов. Так, в пионерной работе Дж. Лайтолд (Leithold, 1968) главную роль играет асимметрия между мужчинами и женщинами в предложении труда, которая объясняется

⁸ Более детальный обзор этих работ можно найти в: Woolley, 1990.

различиями в ставках заработной платы и предпочтениями досуга по сравнению с работой по найму. Эти различия, в свою очередь, могут зависеть от наличия детей. В модели Т.Брэгстед (Bragstad, 1989) предполагается, что каждый член домашнего хозяйства имеет некоторый “предел терпения”, выражающийся в максимальной степени беспорядка, количестве грязной посуды и т.д., с которыми он способен мириться. Небольшие различия в величине этого “предела” у членов семьи могут вести к значительным различиям в объеме выполняемой ими работы по дому. Макэлрой и Хорни показывают, что женщина будет обладать тем большим контролем над доходами домашнего хозяйства, чем выше ее потенциальный уровень благосостояния в случае развода, чем выше забота супруга о ее потреблении и чем ниже цена товаров, которые она предпочитает потреблять (McElroy and Horneу, 1981).

Позволяет ли факт существования альтернативных моделей принятия решений в домашнем хозяйстве утверждать, что с традиционной “невидимостью” женщин можно бороться в рамках неоклассической экономической парадигмы? В каком-то смысле это так. Обсуждавшиеся выше модели являются неоклассическими; женщина присутствует в них как реальный рационально действующий субъект. Они дают возможность отвечать на вопросы типа “Достигают ли работающие женщины более высокого уровня благосостояния, чем домохозяйки?”. Эппс и Сэвидж на практике оценили степень неравенства внутри домашнего хозяйства (Apps and Savage, 1989). Итак, эти модели некоторым образом действительно являются свидетельством освобождения неоклассической экономической теории от андроцентристского уклона.

Однако создание моделей семьи в соответствии со стандартными экономическими правилами, т.е. на основе предположения, что люди максимизируют свое собственное благосостояние (которое может зависеть от уровня благосостояния других индивидов), подвержено целому ряду ограничений; эти модели не позволяют выработать объяснения и предсказания фактов семейного поведения, которые были бы убедительными для всех экономистов. Как ортодоксальные экономисты, так и феминистки могли бы согласиться с тем, что в этих моделях семьи чего-то недостает; однако они неизбежно разошлись бы во мнениях по поводу того, чего именно в них не хватает. Й.Бен-Порат критикует употребление понятия рациональности применительно к поведению внутри домашнего хозяйства: мотив максимизации полезности “действует менее жестко внутри домашнего хозяйства, где те, кто не способен максимизировать полезность, не обязательно сходят со сцены” (Ben-Porath, 1982, p.58). По моим собственным наблюдениям, ортодоксальные экономисты часто комментируют модели, рассматривающие семью как двух рациональных максимизирующих полезность индивидов, следующим образом: “В моей семье ничего подобного не происходит. Мы сотрудничаем и принимаем решения вместе”. Идея Самуэлясона о достижении “консенсуса” в семье имеет широкое признание. Однако существует бесконечное множество различных вариантов кон-

сенсуса: мы можем согласиться отправиться во время отпуска в велосипедное путешествие или поехать в Нью-Йорк, однако не можем позволить себе и то и другое одновременно. Что определяет выбор между двумя этими “консенсусами”? Этот вопрос задается редко, так что я могу предложить лишь некоторые наиболее правдоподобные ответы. Заставить людей жертвовать краткосрочными интересами ради блага семьи в долгосрочной перспективе могут любовь, чувство долга или стремление к долговечности семейных связей. Требование четко сформулировать проблемы, связанные с моделями принятия решений в семье, является своего рода вызовом ортодоксальным экономистам.

Феминисток волнует вопрос о том, как гендерные факторы учитываются в экономических моделях семьи. Что делает эти модели применимыми к поведению именно супругов, а, скажем, не студентов, живущих в одной комнате общежития? Одним из различий между мужчинами и женщинами являются институциональные ограничения, налагаемые на представителей разных полов. Семейные отношения, особенно вступление в брак, не являются предметом свободного заключения контракта; они составляют то, что на языке юристов называется “статус”. Государство налагает ограничения на условия как вступления в брак, так и развода. К примеру, лица одного пола заключить брак не могут. Роли “мужа”, “жены”, “матери” окружают условия, определяющие социально приемлемое поведение. Экономисты-феминистки ныне обратились к масштабной задаче объяснения природы институтов, ставящих женщину в приниженное положение. К примеру, Н.Фолбр обсуждает вопрос о том, как в процессе эволюции сформировались институциональные “структуры принуждения”. С этим связана следующая проблема.

Проблема №5. Необходимо выяснить факторы формирования институтов, ставящих женщин в привилегированное или приниженное положение.

В последнее десятилетие наблюдается бурный рост числа публикаций, с разных позиций исследующих экономические институты. Некоторые авторы увязывают поиск индивидуалистического объяснения институтов с политическим индивидуализмом или либертарианством (см., например, Rowe, 1989). Подход с точки зрения трансакционных издержек позволяет пролить свет на эволюцию таких институтов, как фирма и семья (Pollak, 1985; Поллак, 1994). Феминистки могут подойти к рассмотрению этих проблем со своей собственной точки зрения. Женское восприятие экономических институтов не всегда совпадает с мужским; то же можно сказать и о выдвигаемых экономистами аналитических упрощениях или возможных объяснениях. Феминистская экономическая теория должна заимствовать идеи у авторов, принадлежащих к другим течениям, но должна быть также проникнута пониманием феминистской перспективы исследования.

Второй путь учета в экономических моделях гендерных факторов заключается в рассмотрении предпочтений. Так, в модели Брэгстед

женщины имеют более низкий “предел терпения” по отношению к домашнему беспорядку, чем мужчины⁹. Признание того факта, что предпочтения могут носить эндогенный характер, отсылает нас к первой из указанных нами проблем: для обнаружения источников неравноправного экономического положения женщин необходимы модели с эндогенно определяемыми предпочтениями¹⁰.

Третий аспект проблемы связан с тем, что женщины имеют детей. Однако, как отмечает Дж.Нельсон, модели “семьи” слишком часто описывают поведение только взрослых людей; дети не играют в них никакой роли (Nelson, 1991). В самом деле, даже моя собственная работа (Woolley, 1990), по существу, относится к домохозяйству, состоящему из семейной пары, не имеющей детей. Дж.Нельсон отмечает, что “рассмотрение семьи, фокусирующее внимание исключительно на поведении взрослых, приводит к тому, что именно те виды деятельности, которые традиционно были наиболее важными для женщин, делаются невидимыми, несущественными, частью «природы», не заслуживающей исследования”.

Создает ли включение детей в модели семьи реальную проблему для неоклассической экономической теории? Дети могут быть инкорпорированы в такие модели, скажем, в качестве общественного блага (Lundberg and Pollak, 1992). Благосостояние или потребление детей может являться аргументом функции потребления их родителей. Этот подход позволяет делать интересные прогнозы, к примеру, потенциального влияния разницы во времени, уделяемом каждым супругом уходу за детьми, на распределение дохода и труда в домашнем хозяйстве. Однако, как пишет Нельсон (Nelson, 1991), этот подход открыт для критики с феминистских позиций. Во-первых, он рассматривает детей как объекты, а не как самоценные цели. Во-вторых, забота о детях временами становится для женщин долгом, обязанностью или даже ограничением.

Феминистская точка зрения на детей может служить прямым вызовом неоклассической экономической теории. С одной стороны, если, как пишет Нельсон, женщины делают выбор в пользу заботы о детях, поскольку в этом состоит их долг, они вправе пересмотреть оценку влияния такого выбора на свое экономическое благосостояние, воз-

⁹ Интересно отметить, что предложенная Беккером (Becker, 1974) модель семьи также учитывает асимметричность предпочтений. Глава семьи – мужчина – в ней альтруистичен, а “иждивенец” – женщина – эгоистичен. Основания для такого предположения непонятны.

¹⁰ Дж.С.Милль, которого можно назвать одним из ранних представителей феминистской экономической теории, признавал, что предпочтения женщин формируются под воздействием окружающей культурной среды: “Если женщины в чем-то превосходят мужчин, то прежде всего в готовности к самопожертвованию ради интересов семьи. Но я придаю этому мало значения, ибо в них обычно воспитывается сознание того, что они рождены и созданы для самопожертвования” (Mill, 1970, p.172; курсив мой.– Ф.В.).

можно, в рамках направления, предложенного А.Сеном в его работе “Рациональные глупцы” (Sen, 1982). С другой стороны, рассмотрение детей в качестве экономических субъектов, а не благ длительного пользования может радикально изменить экономическую теорию домашнего хозяйства. Это приводит нас к следующей проблеме.

Проблема №6. Необходимо разработать более совершенные модели воспитания детей и репродуктивной деятельности.

Исследователи-феминистки могут не захотеть связывать себя с какой-либо определенной точкой зрения на семью. Модели, разработанные Брэгстед, Макэлрой и Хорни и другими представительницами неоклассической парадигмы, позволяют разобраться в вопросах влияния “пределов терпения”, законов о разводах и прочих факторов на благосостояние женщины в “частной сфере”. В то же время более активное моделирование институциональных структур может способствовать лучшему пониманию семейных отношений. Феминистки, вероятно, не должны отрицать взгляды ортодоксальных экономистов, согласно которым любовь – это часть семейной жизни; но это не более чем часть. Члены семьи могут выступать в качестве воспитателей и кормильцев, но могут действовать и исходя из своего собственного интереса. Будет лучше, если мы примем во внимание все точки зрения на семью, не ограничиваясь какой-либо одной из них.

5. ВЫВОДЫ

Теперь мы в состоянии оценить достижения на каждом из направлений феминистских экономических исследований.

Документирование различий в уровнях благосостояния мужчин и женщин. Эта цель с наибольшим основанием может считаться достигнутой. Существует обширная литература, подтверждающая различия в заработках, свободном времени и – если говорить о последних достижениях – в доле семейного дохода. Эти исследования публикуются в ведущих экономических журналах.

Обоснование мер, направленных на достижение равенства. Успехи на этом направлении менее впечатляющи. Согласно многим неоклассическим моделям, подобные меры влекут за собой снижение экономической эффективности. Следовательно, перед экономистами-феминистками открыты две альтернативы. Первая заключается в проведении беспристрастных исследований по оценке относительной величины выигрыша и потерь в эффективности, возникающих в результате таких мер. Вторая альтернатива состоит в преодолении границ неоклассической экономической теории путем рассмотрения институтов и структур предпочтений в качестве эндогенных факторов. Чистый политически ориентированный феминизм сам по себе недостаточен.

Проведение исследований, свободных от андроцентристского уклона. В экономической теории прослеживаются два типа этого уклона. С первым из них, связанным с использованием ошибочных упрощений,

бороться легче, чем со вторым – исчезновением женщины из экономической теории. Второй тип шире распространен, более устойчив и трудноискореним. В качестве наиболее характерного примера “невидимости” женщины я рассмотрела включение предпочтений женщины в единую функцию полезности домашнего хозяйства, но такой акцент может отражать мой собственный взгляд на проблему с позиций специалиста в области микроэкономики. Разумеется, попытки создания альтернативных моделей домашнего хозяйства ставят фундаментальные вопросы по поводу неоклассической экономической теории.

Разработка перечисленных направлений феминистских экономических исследований ставит ряд проблем перед неоклассической экономической теорией. Во-первых, неравенство мужчин и женщин на рынке труда и в домашнем хозяйстве оказывается отчасти обусловлено влиянием предпочтений и институтов. Приверженность экономистов-феминисток большему равенству полов связана с надеждой, что предпочтения и институты могут быть должным образом изменены; отсюда вытекает необходимость создания аналитических инструментов экономической теории благосостояния для оценки подобных изменений. Во-вторых, феминистская экономическая теория стремится сделать “видимыми” традиционные сферы деятельности женщин, такие, как работа в домашнем хозяйстве и воспитание детей.

Экономисты-феминистки – не единственные, кто изучает источники предпочтений, создает модели домашнего хозяйства и настаивает на большей институциональной ориентации экономической теории. С одной стороны, многие вопросы, поднимаемые феминистками, разрабатывались экономистами Чикагской школы. Стиглер и Беккер рассматривали проблему эндогенизации предпочтений (Стиглер и Беккер, 1994 [1977]); Беккер предложил модель домашнего хозяйства (Becker, 1974); Лэндес, Беккер и Мерфи обсуждали эволюцию институтов брака и развода (Landes, 1978; Becker and Murphy, 1988). Существуют, на мой взгляд, две причины, по которым эти работы не могут считаться феминистскими. Во-первых, используемые в моделях Чикагской школы упрощения многим феминисткам кажутся неверными. Во-вторых, эти модели способствуют восприятию существующего положения вещей в розовом свете. К примеру, Беккер и Мерфи приходят к такому заключению: “Примечательно, в сколь значительной степени государственное вмешательство содействует эффективности семейных установлений” (Becker and Murphy, 1988, p.18). Быть феминисткой – значит верить, что было бы в некотором отношении лучше, если бы мир характеризовался большей степенью равенства полов, чем нынешняя.

Вместе с тем в научном мире появляются экономисты неоклассического направления, уделяющие внимание проблемам, выдвигаемым феминистками. А.Сен высказал мнение, что человек действует как рациональный глупец, если он не задумывается над параметрами функции полезности, которую он максимизирует. Работы Сена, посвященные градации метапредпочтений (Sen, 1982) и человече-

ским способностям (Sen, 1987), открывают многообещающие перспективы для развития экономической теории благосостояния, учитывающей феминистские представления об эндогенном характере предпочтений (см. Woolley, 1992). Весьма плодотворна с феминистской точки зрения идея Ш.Доу о “преодолении дуализма” (Dow, 1990). Деление мира на “себя” и “других” пронизывает экономический образ мысли. “Вавилонское мышление” Доу предлагает путь избавления от этого дуализма путем признания того факта, что иногда мы мыслим категориями собственного интереса, а иногда – категориями интересов своих детей, семьи, общества в целом. Проницательная критика методологического индивидуализма Г.Ходжсоном и его призыв к синтезу объяснений, принимающих во внимание как действия индивидов, так и социальную структуру (Hodgson, 1986, p.219), также представляются полезными.

Феминистская экономическая теория может заимствовать идеи современных экономистов других направлений, но у них есть и свое место в экономической науке. Во-первых (и это главное), феминизм может привнести акцент на проблему экономической справедливости, которая объединяет разнородные во всех прочих отношениях работы и дает мощный стимул для продолжения критики традиционного экономического мышления. Во-вторых, феминистки привносят в науку новые перспективы исследований и новое мировосприятие, которые позволяют им видеть и пытаться объяснить экономические факты, касающиеся неравенства в оплате труда мужчин и женщин, производства в домашнем хозяйстве или процессов принятия решений в семье.

ЛИТЕРАТУРА

- Маршалл А.** Принципы экономической науки. М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Поллак Р.А.** Трансакционный подход к семье и домашнему хозяйству // THESIS, 1994, вып. 6.
- Роббинс Л.** Предмет экономической науки // THESIS, 1993, вып.1, с.10–23.
- Стиглер Дж. и Беккер Г.С.** О вкусах не спорят // США: ЭПИ, 1994, №1–2.
- Aigner D.J. and Cain G.C.** Statistical Theories of Discrimination in Labour Markets // Industrial and Labour Review, 1977, v.30.
- Apps P.** A Theory of Inequality and Taxation. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Apps P. and Savage E.** Labour Supply, Welfare Rankings and the Measurement of Inequality // Journal of Public Economics, 1989, v.39.
- Ashworth J.S. and Ulph D.** Household Models. In: C.V.Brown (ed.). Taxation and Labour Supply. London: George Allen and Urwin, 1981.
- Barro R.** Are Government Bonds Net Wealth? // Journal of Political Economy, 1974, v.82.
- Becker G.S.** The Economics of Discrimination. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1971.
- Becker G.S.** A Theory of Social Interactions // Journal of Political Economy, 1974, v.82.
- Becker G.S.** Altruism in the Family and Selfishness in the Market Place // *Economica*, 1981a, v.48.

- Becker G.S.** A Treatise on the Family. Cambridge: Harvard University Press, 1981b.
- Becker G.S.** Human Capital, Effort, and the Sexual Division of Labour // Journal of Labor Economics, 1985, v.3.
- Becker G.S. and Murphy K.** The Family and the State // Journal of Law and Economics, 1988, v.31.
- Ben-Porath Y.** Economics and the Family – Match or Mismatch? // Journal of Economic Literature, 1982, v.22.
- Bergmann B.** Feminism and Economics // Academe, September/October 1983.
- Bergmann B.** The Economic Emergence of Women. New York: Basic Books, 1986.
- Bergmann B.** Does the Market for Women's Labor Need Fixing // Journal of Economic Perspectives, 1989, v.3.
- Bernheim B. and Bagwell K.** Is Everything Neutral? // Journal of Political Economy, 1988, v.96.
- Betts J.** Technological Change and the Intra-Family Division of Labour. Paper presented to the Canadian Economic Association meetings, Kingston (Ontario), June 1991.
- Blanc R.** The Effects of Double-Blind versus Single-Blind Reviewing: Experimental Evidence from the American Economic Review // American Economic Review, 1991, v.81.
- Blau F. and Ferber M.A.** The Economics of Women, Men and Work. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1986.
- Blaug M.** The Methodology of Economics or How Economists Explain. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Bragstad T.** On the Significance of Standards for the Division of Work in the Household. Mimeo. University of Oslo, 1989.
- Brown L.J.** Gender and Economic Analysis: A Feminist Perspective. Mimeo. Eastern Washington University, 1989.
- Chiappori P.A.** Collective Labour Supply and Welfare // Journal of Political Economy, 1992.
- Dow S.C.** Beyond Dualism // Canadian Journal of Economics, 1990, v.14, no.2.
- Eaton B.C. and Eaton D.F.** Microeconomics. New York: W.H.Freeman, 1991.
- England P.** What Can Economics Learn from Feminism. Paper presented at the AEA annual meetings, December 1990.
- England P.** Comparable Worth: Theories and Evidence (forthcoming).
- England P. and Brown I.** Internalisation and Constraint in Theories of Women's Oppression. In: B.Agger (ed.). Current Perspectives on Social Theory (forthcoming).
- Ferber M. and Teiman M.** The Oldest, the Most Established, the Most Quantitative of the Social Sciences – and the Most Dominated by Men: The Impact of Feminism on Economics. In: D.Spender (ed.). Men's Studies Modified; The Impact of Feminism on the Academic Disciplines. Oxford: Pergamon Press, 1981.
- Folbre N. and Heidi H.** The Rhetoric of Self-Interest: Ideology of Gender in Economic Theory. In: A.Kalmer, D.N.McCloskey and R.M.Solow (eds.). The Consequences of Economic Rhetoric. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Folbre N.** Who Pays for the Kids? Gender and the Structure of Constraint. London: Routledge, 1992.
- Franc R.H.** Microeconomics and Behavior. New York: McGraw Hill, 1991.

- Fuchs V.R.** His and Hers: Gender Differences in Work and Income, 1959–1979 // *Journal of Labor Economics*, 1986, v.4.
- Gintis H.** Welfare Criteria with Endogenous Preferences: The Economics of Education // *International Economic Review*, 1974, v.13.
- Goldschmidt-Clermont L.** Unpaid Work in the Household: A Review of Economic Evaluation Methods. Geneva: International Labour Office, 1982.
- Goldschmidt-Clermont L.** Economic Evaluations of Unpaid Household Work: Africa, Asia, Latin America and Ocean. Geneva: International Labour Office, 1987.
- Gould J.P. and Lazear E.P.** *Microeconomic Theory*. Homewood (IL): Irwin, 1989.
- Gronau R.** Sex-Related Wage Differentials and Women's Interrupted Labor Careers – The Chicken or the Egg // *Journal of Labor Economics*, 1988, v.6.
- Gunderson M.** Male-Female Wage Differentials and Policy Responses // *Journal of Economic Literature*, 1989, v.27.
- Haddad L. and Kanbur R.** How Serious is the Neglect of Intra-Household Inequality // *Economic Journal*, 1990, v.100.
- Hahnel R. and Albert M.** *Quiet Revolution in the Welfare Economics*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990.
- Harding S.** *The Science Question in Feminism*. Milton Keynes: Open University Press, 1986.
- Hirschleifer J.** *Price Theory and Applications*. 4th ed. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1988.
- Hodgson G.** Behind Methodological Individualism // *Cambridge Journal of Economics*, 1986, v.10, no.3.
- Hyman D.N.** *Modern Microeconomics: Analysis and Applications*. 2nd ed. Homewood (IL): Irwin, 1989.
- Juster F.T. and Stafford F.D.** *Time, Goods and Well-Being*. Ann Arbor (MI): Institute of Social Research, University of Michigan, 1985.
- Juster F.T. and Stafford F.D.** The Allocation of Time: Empirical Findings, Behavioural Models and Problems of Measurement // *Journal of Economic Literature*, 1991, v.29.
- Lam D.** Marriage Markets and Assortative Mating with Household Public Goods // *Journal of Human Resources*, 1988, v.23.
- Landes E.** The Economics of Alimony // *Journal of Legal Studies*, 1978.
- Leuthold J.** An Empirical Study of Formula Income Transfers and the Work Decisions of the Poor // *Journal of Human Resources*, 1968, v.3.
- Lommerud K.** Marital Division of Labor with Risk of Divorce: The Role of “Voice” Enforcement // *Journal of Labor Economics*, 1989, v.7.
- Lundberg S. and Pollak R.A.** Separate Spheres Bargaining and the Marriage Market. Mimeo. Department of Economics, University of Washington, 1992.
- Manser M. and Brown M.** Marriage and Household Decision-Making // *International Economic Review*, 1980, v.21.
- McCloskey D.** The Rhetoric of Economics // *Journal of Economic Literature*, 1983, v.23.
- McCloskey D.** Some Consequences of a Conjective Economics. In: M.A.Ferber and J.A.Nelson (eds.). *Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- McCrate E.** Trade, Merger and Employment: Economic Theory on Marriage // *Review of Radical Political Economics*, 1987, v.19.
- McElroy M.J. and Horney M.B.** Nash Bargained Household Decision Making // *International Economic Review*, 1981, v.22.

- Mill J.S.** The Subjection of Women. In: John Stuart Mill and Harriet Taylor Mill. Essays on Sex Equality. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Nelson J.** Towards a Feminist Theory of Family. Paper presented at the AEA annual meetings, 1992, January 3–5.
- Nicolaides P.** Limits to the Expansion of Neoclassical Economics // Cambridge Journal of Economics, 1988, v.12, no.3.
- Nieva V.F. and Gutek B.A.** Sex Effects and Evaluation // Academy of Management Review, 1980, v.5.
- Peters H.E.** Marriage and Divorce: Informational Constraints and Private Contracting // American Economic Review, 1986, v.76.
- Pollak R.A.** A Transaction Cost Approach to Families and Households // Journal of Economic Literature, 1985, v.23, no.3, p.581–608.
- Postner H.** Review of “*If Women Counted: A New Feminist Economics*” // Review of Income and Wealth, 1992, v.38.
- Pujol M.A.** Feminism and Anti-Feminism in Early Economic Thought. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
- Robb R.E.** Earnings Differentials between Males and Females in Ontario // Canadian Journal of Economics, 1978, v.11.
- Robertson D. and Symons J.** The Occupational Choice of British Children // Economic Journal, 1990, v.100.
- Rowe N.** Rules and Institutions. Hemmel Hempstead: Herts, Allan, 1989.
- Salvatore D.** Microeconomics. New York: Harper Collins, 1991.
- Samuelson P.** Social Indifference Curves // Quarterly Journal of Economics, 1956, v.52.
- Seiz J.A.** The Bargaining Approach and Feminist Methodology // Review of Radical Political Economics, 1991, v.23.
- Seiz J.A.** Gender and Economic Research. In: N. de Marchi (ed.). The Methodology of Economics. Boston: Kluwer Nijhoff, forthcoming.
- Sen A.K.** Labour Allocation in a Cooperative Enterprise // Review of Economic Studies, 1966, v.33.
- Sen A.K.** Choice, Welfare, and Measurement. Oxford: Basil Blackwell, 1982.
- Sen A.K.** Family and Food: Sex Bias in Poverty. In: A.K.Sen. Resources, Values, and Development. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
- Sen A.K.** Well-Being, Agency and Freedom // The Journal of Philosophy, 1985a, v.82.
- Sen A.K.** Women, Technology and Sexual Divisions // Trade and Development: An UNCTAD Review, 1985b, v.6.
- Sen A.K.** Gender and Cooperative Conflicts // WIDER Working Paper no.18, 1987.
- Ulph D.** A General Noncooperative Nash Model of Household Behaviour. Mimeo. University of Bristol, 1988.
- Waring M.** If Women Counted: A New Feminist Economics. San Francisco: Harper and Row, 1988.
- Woolley F.R.** Economic Models of Family Decision Making, with Applications to Intergenerational Justice. Unpublished Ph.D. Dissertation, London School of Economics, 1990.
- Woolley F.R.** Welfare Economics and Its Critics: A Feminist Reappraisal. Mimeo. Carleton University, 1992.